

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

А.А. Буллер,
студент 4 курса ГАОУ ВО ТО «ТГАМЭУП»
направление «Юриспруденция»
buller.alexey@gmail.com
Научный руководитель:
В.В. Агафонов,
доцент кафедры юриспруденции
ГАОУ ВО ТО «ТГАМЭУП»,
кандидат юридических наук

Проблема международных преступлений является сегодня одной из самых актуальных. «Замороженные» конфликты, гражданские войны, угроза ядерного оружия и последствия прошлых ошибок требуют своего решения. Именно по этой причине на протяжении XX века поэтапно шло формирование международных судебных органов, способных обеспечить торжество закона, предупредить его нарушение [1; 54].

Проблематика исследования указанных международных институтов до сих пор остается недостаточно разработанной в силу того, что в большинстве работ затрагивались лишь отдельные аспекты их деятельности. В юридической науке отсутствуют комплексные монографические исследования по данному вопросу. Таким образом, практическая ценность и значимость специальных судебных органов для современной системы международных отношений и, одновременно, недостаточная разработанность этих вопросов предопределили выбор темы исследования.

Объектом данного исследования являются четыре Международных трибунала (Нюрнбергский, Токийский, по бывшей Югославии и Руанде), а также Международный уголовный суд.

Нюрнбергский и Токийский процессы были первым этапом и сыграли огромную роль в развитии международного уголовного права. Они явились моделью будущих международных органов уголовного правосудия, осудили агрессивную войну как тягчайшее преступление против человечества и сурово наказали конкретных виновников. Приговорами этих Трибуналов впервые в истории был осужден милитаризм. Судебные процессы в Токио и Нюрнберге вскрыли политический, экономический, идеологический и военный механизм подготовки стран к агрессивным войнам, характер и цели милитаризма. Материалы этих судебных процессов по настоящий день имеют неоценимое значение для развития международно-правовых норм, на их основе был разработан ряд базовых международных соглашений [2; 21].

Тем не менее, трибуналы первой волны имели больше недостатков, чем достоинств. Они служат яркими образцами «правосудия победителя». Победившие союзные державы преследовали своих немецких и японских противников без рассмотрения возможности применения тех же норм к их собственному поведению во время войны. Кроме того, по многим причинам Нюрнбергский трибунал нельзя рассматривать как образец органа международной уголовной юстиции. Он был учрежден четырьмя основными союзными державами и являлся, скорее, многонациональным, нежели международным органом.

В отличие от Нюрнбергского трибунала, который был учрежден после окончания военных действий и был предназначен для привлечения к ответственности определенного круга лиц, которые к тому моменту уже были, в основном, арестованы, Югославский трибунал был создан во время продолжающегося конфликта в бывшей Югославии, аналогичным способом был создан трибунал по Руанде [3; 67]. Современные трибуналы не имеют целью судебное преследование представителей одной из конфликтующих сторон. Юрисдикция трибуналов распространяется на всех участников соответствующего конфликта в равной степени. Безусловным достижением было признание примата трибуналов в отношении национальной юрисдикции государств, а также распространение их компетенции на немеждународные вооруженные конфликты, что открыло новую страницу в развитии гуманитарного права.

Однако, то обстоятельство, что трибуналы был учреждены Советом Безопасности в соответствии с главой VII Устава ООН, а не международным соглашением, дает основания для сомнений в их легитимности. В Уставе ООН трудно найти что-либо, что могло бы истолковываться как право Совета учреждать подобные органы уголовного правосудия, что, нельзя не признать, негативно отразилось на авторитете трибуналов. Более того, из-за отсутствия международного уголовного кодекса трибуналы действуют на основании уголовных и процессуальных норм, принятых ими самими, и, хотя, они основаны на положениях Женевских конвенций и Нюрнбергского трибунала, правомерность выносимых решений можно поставить под сомнение — в данном случае налицо обратное действие уголовного закона [4; 374].

Нельзя не признать, что трибуналы весьма далеки от оптимальной модели международного органа уголовной юстиции. Но, тем не менее, надо отдать им должное, ведь именно после начала функционирования трибуналов стала видна острая потребность в создании Международного уголовного суда.

С положительной стороны необходимо отметить то, что каждый трибунал дает более широкое толкование международных преступлений, отличное от нормативного понимания этих деяний, принятого в гуманитарном праве. В частности, УТР ввёл изнасилование в категорию преступления против человечности, что являлось новым для судебной практики. Кроме того, Трибунал по Руанде является создателем двух важных прецедентов относительно изнасилования и геноцида в рамках приговора против Жана-Поля Акайэсю. Впервые в практике международного права было признано, что изнасилование может представлять собой преступление геноцида. В дальнейшем, подобная прецедентная практика Трибуналов нашла отражение в Статуте Международного уголовного суда [5; 158].

Иначе говоря, трибуналы по бывшей Югославии и Руанде стали переходом от трибуналов ad hoc к постоянно действующему органу уголовной юстиции — Международному уголовному суду, второй ступени в развитии международного правосудия.

Данный орган обладает рядом существенных особенностей, в связи с чем его нельзя сравнивать ни с одним из существующих трибуналов. Все они, в отличие от Суда, являлись временными образованиями, охватывали лишь некоторые уголовно-правовые ситуации, имели, по существу, обратную силу и, следовательно, ограниченный сдерживающий эффект, наконец, сталкивались с проблемами серьезных временных и финансовых затрат в процессе своей деятельности. Особое внимание нужно обратить на то, что Международный уголовный суд не заменяет собой национальные органы уголовной юстиции, а дополняет их — это должно стимулировать государства сделать свою юридическую систему более эффективной в деле преследования за совершение международных преступлений, хотя и вносит дополнительные трудности в деятельность Суда. Нельзя не отметить и тот факт, что, в отличие от международных трибуналов, Суд обладает широким спектром наказаний, от штрафа до пожизненного лишения свободы, кроме того, потерпевшие могут быть представлены в Суде и требовать возмещения ущерба. В отличие от Международного суда ООН в Гааге, чья юрисдикция распространяется только на государства, МУС может судить отдельных индивидов, он независим от ООН, хотя и может возбуждать дела по представлению Совета Безопасности.

Основная идея Римского статута Международного уголовного суда заключается в наказании физических лиц, виновных в совершении наиболее тяжких международных преступлений, — геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступлений агрессии — независимо от их чина и должности. В этой части положения Статута базируются на общепризнанных принципах Нюрнбергского процесса. Суд был создан для наказания конкретных лиц, независимо от занимаемого положения [6].

Римский статут предусматривает создание трех палат в рамках МУС, которые соответствуют порядку продвижения дела в Суде:

1. Палата предварительного производства (Pre-Trial Chamber) занимается обеспечением расследования дела, дает Прокурору МУС санкцию на расследование по собственной инициативе, выдает ордер на арест и приказ о явке в Суд, принимает решение об утверждении обвинений и пр.

2. Судебная палата (Trial Chamber) рассматривает дело по существу и принимает итоговое решение, которое само по себе не должно выходить за рамки фактов и обстоятельств, изложенных в обвинении. Также установлена обязанность обосновывать это решение со ссылкой исключительно на доказательства, представленные в МУС и рассмотренные им в ходе судебного разбирательства. В случае установления вины лица, обвиняемого в совершении преступления, Суд принимает решение о назначении наказания. При этом Судебная палата может провести дополнительное судебное слушание для определения конкретной меры наказания.

3. Апелляционная палата (Appeals Chamber) является органом, нетипичным для международных судебных учреждений. Стороны процесса могут обращаться к ней в случае обжалования решений двух других палат МУС. При рассмотрении дела она обладает теми же полномочиями, что и Судебная палата, однако ее решения являются окончательными и обжалованию не подлежат.

В Римском статуте говорится о том, что дела могут поступать в Суд тремя различными способами:

1. Прокурор МУС может инициировать расследование в случае, если совершено одно или более преступлений, основываясь на информации из любого источника, включая показания потерпевшего или его семьи, но только если это преступление и лицо, его совершившее, относятся к юрисдикции Суда;

2. государства, ратифицировавшие Римский статут, могут обратиться к Прокурору с просьбой расследовать одно или более преступлений, если они относятся к юрисдикции МУС;

3. Совет Безопасности ООН может просить Прокурора о расследовании одного или более преступлений, причем в отличие от первых двух случаев преступление будет относиться к юрисдикции Суда, даже если оно было совершено на территории государства, которое не подписывало Римский статут, или тем лицом, которое является гражданином такого государства. Кроме того, государства, не являющиеся участниками Римского статута, могут обратиться к Суду, если они готовы признать юрисдикцию МУС на разовой основе.

Однако в каждом из этих случаев именно Прокурор МУС, а не государства или Совет Безопасности ООН, решает вопрос о том, начинать или нет расследование дела, и выносит соответствующее определение, основываясь на результатах предварительного исследования вопроса [7; 45].

Принятие Римского статута завершило на данном этапе создание международной системы уголовной ответственности, базирующейся на трех элементах: квалификация и определение состава международных преступлений, установление санкций за совершенные преступления и создание юрисдикционных механизмов обеспечения правосудия.

В то же время, создание Суда в рамках общепризнанных международных процедур, с учетом, в первую очередь, волеизъявления государств, как это ни парадоксально, породило ряд недостатков в его деятельности.

Главной проблемой, которая тормозит успешное развитие международного уголовного правосудия, является непризнание Суда многими ведущими державами. Эффективность МУС зависит, в первую очередь, от реального сотрудничества с государствами, однако в современных условиях о плодотворном взаимодействии говорить не приходится [8; 68]. Среди участников Римского статута пока нет трех из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН: США, России и Китая, а также второй по численности страны мира — Индии, не считая других ведущих стран. Есть государства, открыто выступающие против Суда, например, Соединенные Штаты Америки.

Тем не менее, несмотря на все свои недостатки, Суд вносит существенный вклад в восстановление мира в охваченных конфликтами регионах земного шара и играет важную роль в обеспечении международного уголовного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зелинская Н.А. Международные военные трибуналы: от Нюрнберга до Гааги. Сбор. мат. «Мир против организованной преступности». М.: Буквица, 2013. — 86 с.
2. Лебедева Н. СССР и Нюрнбергский процесс // Международная жизнь. 1996. №9. С. 18-27.
3. Белый И.Ю. международное преследование за военные преступления: Правовые и процессуальные аспекты. М., 2014. 89 с.
4. Гутмэн Р. ООН и Женевские Конвенции. М., 2011. — 587 с.
5. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права. М., 2004. — 237 с.
6. Правила процедуры и доказывания // Международный уголовный суд (сборник документов). Казань, 2014.
7. Трикоз Е.Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2005. N 3. С. 43-49.
8. Давид Э. Будущее Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права. 2012. №32. С. 63-68.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR LEGAL ENTITIES IN EUROPEAN COUNTRIES AND IN RUSSIA

E.E. Veremchuk
Student of the Institute of State and Law,
Tyumen State University
Department: «Jurisprudence»
verevva@gmail.com

S.V. Myasnikova
Student of the Institute of State and Law,
Tyumen State University
department «Jurisprudence»
Myasnikova.96@mail.ru

Scientific supervisor:
A.L. Akulina,
Senior lecturer of Foreign Languages
and Intercultural Communication Department
for Law and Economics

“A company may in many ways be likened to a human body. It has a brain and nerve centre which controls what it does. It also has hands which hold the tools and act in accordance with directions from the centre.”¹ The basic of this opinion was raised the authoritative decision: „The person who acts is not speaking or acting for the company. He is acting as the company and his mind which directs his acts is the mind of the company. If it is a guilty mind then that guilt is the guilt of the company”

— Lord Denning LJ [1].

Today there is an increasing number of criminal offences in which an individual as the perpetrator is pushed into the background, and the legal entity comes into the fore as the centre of power and the real perpetrator of a criminal activity. The criminal institute is urged to create the effective instrument of fight against the growing real power of corporations and expansion of their illegal activities.

Criminal responsibility is the state of one who is bound in law and justice to do something, which may be enforced by action. This liability may arise from contracts either expressed or implied, or in consequence of torts committed [2].

According to the Featuring Black's Law Dictionary, legal entity is a lawful or legally standing association, corporation, partnership, trust, or individual that has legal capacity to enter into agreements or contracts, assume obligations, incur and pay debts, sue and be suing in its own right, and to be accountable for illegal activities [3].

However, we consider a legal entity to be a legal institution with certain rights and responsibilities through which the law allows a group of natural persons to act as if they were a single person with certain purposes.

Prior to the late twentieth century, criminal liability of legal persons (companies) was largely ignored. In the past two decades, however, European States, one-by-one, have enacted laws that allow for the prosecution of corporations for criminal offences. Nowadays it is generally admitted, not only in Europe, but in other countries of the World (e.g. USA, India). The regulation of criminal liability of legal entities can be found inside of criminal code (e.g. Finland, Denmark, Belgium, France) or in other supplementary acts (e.g. Greece, Hungary) [4].

Criminal liability of a legal entity has acquired a new dimension in Europe especially after the International Congress of Compared Penal Law held in Budapest in 1978, as well as following the debates dedicated especially to economic financial or competitive criminality.

Based on the Recommendation R (88) on 20 October 1988 of the Committee of Ministers of the Council of Europe by which states were invited to admit criminal liability of legal entities, several states (Ireland, Norway, Finland, France, etc.), have decided to provide for this institution at the legislative level [5].

The first attempt at common criminal code of Europe was the „Corpus Juris Europae” (1997-2000). The CJE accepts as a principle of individual culpability:

- Individual criminal liability, (it adheres to natural person);
- Criminal liability of the head of the business, (it adheres to natural person);
- Criminal liability of organizations (it adheres to legal person);
- A legal entity can be held responsible for a criminal offence committed in its name or for its benefit: